

Лжесвидетельство: проблемы уголовно-правового регулирования субъективных признаков, соучастия и наказания, установленного за преступление

В. Е. Круковский, И. Н. Мосечкин

Вятский государственный университет,
Российская Федерация, 610000, Киров, ул. Московская, 36

Для цитирования: Мосечкин, Илья Н., Владимир Е. Круковский. 2024. «Лжесвидетельство: проблемы уголовно-правового регулирования субъективных признаков, соучастия и наказания, установленного за преступление». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 67–86. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.105>

Статья посвящена изучению направлений совершенствования нормы, регламентирующей уголовную ответственность за лжесвидетельство. Актуальность темы обусловлена важностью и разнообразием общественных отношений, страдающих от совершения данного преступления, а также масштабом потенциальных вредных последствий. Авторы проанализировали 230 приговоров судов, вынесенных в связи с совершением преступления, предусмотренного ст. 307 Уголовного кодекса РФ. Результаты анализа сопоставлялись с мнениями ученых и зарубежным опытом правового противодействия лжесвидетельству. Изучение приговоров позволило выявить наиболее распространенные мотивы преступления, в числе которых находятся корыстные побуждения. В статье обосновывается целесообразность включения данного признака в ч. 2 ст. 307 УК РФ, поскольку он повышает общественную опасность преступления. Кроме того, анализ приговоров позволил выявить 42 эпизода (18,2%), в которых ложные показания или заключения участников процесса косвенно свидетельствовали о наличии сговора. Поскольку множество подкрепляющих друг друга фактов лжесвидетельства снижают вероятность их выявления и повышают вероятность вынесения ошибочного решения, предлагается закрепить формы соучастия в ч. 2 ст. 307 УК РФ в качестве квалифицирующих признаков. Авторы также приводят обоснование того, что санкции, установленные за дачу ложных показаний, не способствуют обеспечению эффективной защиты охраняемых отношений. Их основной недостаток заключается в отсутствии согласованности с другими нормами. В статье предлагается произвести упорядочение санкций, предусмотренных за совершение смежных преступлений. Сформулирована редакция соответствующей статьи, которая может быть использована как рекомендация при совершенствовании законодательства.

Ключевые слова: лжесвидетельство, правосудие, корыстный мотив, санкция, соучастие, свидетель.

1. Введение

Деятельность по отправлению правосудия является одним из важнейших объектов, без должной уголовно-правовой охраны которого невозможно справедливое разрешение гражданских, конституционных, арбитражных и иных дел. В силу

этого законодатель обязан обеспечивать эффективную защиту функционирования судов. Более того, в рамках уголовного закона, помимо деятельности судебных органов, охраняется деятельность органов прокуратуры, а также органов, осуществляющих предварительное расследование, и участников различных видов судопроизводства. Иначе говоря, правосудие трактуется в широком смысле. Не случайно М. Х. Гельдибаев, рассматривая категорию преступлений, направленных против данного объекта, отмечает, что такие деяния существенным образом отличаются от других посягательств, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ¹ (УК РФ), и представляют наибольшую опасность для человека, общества и государства (Гельдибаев 2020, 162). Думается, мало кто будет спорить с тем, что, например, вынесение заведомо неправосудного приговора может причинить не меньший вред, чем кража, похищение человека или даже убийство. Конечно, это случается не всегда, но проблема усугубляется латентностью — в ряде случаев незаконность акта никогда не будет выявлена, а права пострадавших лиц восстановлены.

Среди преступлений против правосудия особое место занимает лжесвидетельство. В науке уголовного права существуют различные подходы к понятию лжесвидетельства, в том числе противоречащие друг другу. Поскольку аспекты, касающиеся сущности определения, остаются за пределами темы настоящей статьи, позволим себе присоединиться к одной из точек зрения. Здесь и далее под лжесвидетельством будут пониматься заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод, т. е. деяния, предусмотренные ст. 307 УК РФ (Цепелев 2018, 3). Несмотря на то что стараниями научных и практических работников выработаны современные и проверенные механизмы, обеспечивающие надлежащий ход и результаты деятельности по разрешению дел, недобросовестные участники уголовного судопроизводства все же могут оказать влияние на итоговое решение. В литературе подчеркивается: свидетель был ключевой фигурой в уголовном процессе с давних времен и остается ею по настоящее время (Schmidt 2017, 85). В дополнение к этому совершенно правильно отмечается, что значение экспертов и переводчиков тоже нельзя преуменьшать, так как экспертное заключение и верный перевод являются столпами, на которых строится судебное решение в конкретном случае. Если заключение экспертизы или перевод не соответствуют истине, очевидно, что и решение может не соответствовать ей (Budiană 2021, 112).

Достаточно трудно сказать, насколько сильное влияние лжесвидетельство оказывает на уголовное судопроизводство в целом. Ученые предпринимали попытки это выяснить. В частности, исследования, проведенные в США, продемонстрировали, что ложные показания могут быть одной из основных причин роста числа ошибочных приговоров. По данным проекта «Невиновность», показания так называемых осведомителей способствовали вынесению более чем 15 % неверных решений, которые впоследствии были отменены благодаря сведениям, полученным в ходе анализа ДНК (Neuschatz et al. 2021, 529).

В Российской Федерации преступление, предусмотренное ст. 307 УК РФ, нельзя назвать распространенным. В частности, в 2017 г. число зарегистрированных случаев лжесвидетельства составило 1079,

¹ Здесь и далее (если не указано иное) все ссылки на российские нормативно-правовые акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 25 января, 2024. <http://www.consultant.ru>.

в 2018 г. — 940, в 2019 г. — 831, в 2020 г. — 585, в 2021 г. — 586². Иными словами, некоторое время наблюдалось снижение, которое затем, к сожалению, остановилось. Доля преступлений, предусмотренных ст. 307 УК РФ, в общей массе преступности, как правило, не превышает 0,1 %³.

В то же время К. В. Цепелев пришел к выводу о том, что доля лжесвидетельств среди преступлений против правосудия значительна и составляет от 6 до 14,7 % в зависимости от исследуемого периода (Цепелев 2018, 26). В зарубежных странах число лжесвидетельств весьма различается. Анализируя статистику США, исследователи обнаружили, что ежегодно около 1000 чел. подозреваются в даче ложных показаний, из них признаются виновными чуть больше ста. По мнению ученых, лжесвидетельство имеет место в 8,8 % судебных процессах (Crank, Curtis 2023, 90). А в Шотландии, например, число лиц, привлеченных к ответственности за лжесвидетельство, ничтожно мало: с 2015 по 2019 г. их количество не превысило 10 чел.⁴ Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 401 «Заведомо ложное показание» Уголовного кодекса Республики Беларусь⁵ (УК РБ), до 2014 г. составляло в среднем около 30 в год. С 2014 г. число таких уголовно наказуемых деяний увеличилось практически в два раза (Кудрявцев 2019, 6).

Уголовно-правовое регулирование ответственности за лжесвидетельство не остается неизменным. С самого начала существования ст. 307 УК РФ неоднократно подвергалась преобразованиям, последние из которых были сделаны 02.12.2019. Вместе с тем, как отмечается в научной литературе, поправки не устранили всех проблем применения нормы об уголовной ответственности за заведомо ложное показание, заключение эксперта или специалиста или неправильный перевод, что обуславливает необходимость проведения дополнительных научных исследований (Лихолетов, Победнова 2021, 85). Об актуальности предмета изучения говорит и не столь давно принятое Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия», в котором разъяснениям норм о лжесвидетельстве отведено сразу несколько пунктов.

В конструкцию составов преступления, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 307 УК РФ, не включены признаки мотива или цели, которые традиционно играют большую роль в дифференциации и индивидуализации ответственности в отечественном уголовном праве. Статья не охватывает каких-либо форм соучастия, хотя, как будет показано ниже, достаточно распространено совершение лжесвидетельства группой лиц по предварительному сговору, что существенно повышает степень общественной опасности деяния и вероятность вынесения ошибочного приговора суда. Наконец, санкция рассматриваемой нормы не корректировалась уже больше десяти лет, в то время как наказание, установленное за совершение

² Статистические сведения предоставлены Главным информационно-аналитическим центром МВД РФ по обращению № 3/227718325182 от 20.07.2022.

³ «Состояние преступности». *МВД РФ*. 2023. Дата обращения 25 января, 2024. <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762>.

⁴ Statistics for perjury charges: FOI release. Дата обращения 25 января, 2024. <https://www.gov.scot/publications/foi-202200298491>.

⁵ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З. Дата обращения 25 января, 2024. <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>.

смежных преступлений, претерпело существенные изменения. Все это указывает на необходимость совершенствования ст. 307 УК РФ.

Методологической основой настоящего исследования традиционно выступил общенаучный диалектический метод. Для изучения эмпирического материала применен документальный метод: проанализировано 230 приговоров судов, вынесенных в период с 2014 по 2021 г. в связи с совершением преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ. Выборка судебных решений позволила охватить 64 субъекта РФ (Москва, Санкт-Петербург, Московская, Новосибирская, Ивановская, Ульяновская, Кировская области, Краснодарский, Пермский край и др.).

Для оценки количества зарегистрированных актов лжесвидетельства в Российской Федерации использовались статистические методы. В рамках обоснования целесообразности закрепления признака «корыстные побуждения» в качестве квалифицирующего использовался сравнительно-правовой метод. Кроме того, был применен формально-юридический метод, благодаря которому стала возможной должная оценка правовых категорий.

Целью настоящего исследования выступает разрешение отдельных теоретических и прикладных проблем применения уголовно-правовой нормы об уголовной ответственности за заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод. Задачи исследования: проанализировать приговоры судов, вынесенные в связи с совершением преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ; оценить уголовно-правовую норму об уголовной ответственности за заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод в контексте ее соответствия судебной практике; обосновать и сформулировать предложения по совершенствованию ст. 307 УК РФ.

2. Основное исследование

Сложившаяся судебная практика — весьма полезный источник для научных исследований, поскольку выступает лучшим «проявителем» скрытых (имплицитных) знаний, неявных логических и иных соотношений и связей (Морхат 2019). Авторы настоящей статьи провели анализ 230 приговоров, вынесенных по поводу совершения преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ⁶. Детально изучен мотив преступления и наличие соучастия. Результаты анализа сопоставлялись с отраженными в научной литературе позициями авторитетных ученых и положениями законодательства зарубежных стран. Санкции, закрепленные в ст. 307 УК РФ, соотносились с санкциями, предусмотренными за совершение смежных преступлений. Результаты соотношения также сопоставлялись с выводами предыдущих исследований.

2.1. Мотив преступления

Сама по себе ложь не преступна и широко распространена. В психологии предпринимались попытки объяснить внутренние побуждения, подталкивающие

⁶ Здесь и далее все ссылки на российскую судебную практику приводятся по ГАС «Правосудие». Дата обращения 25 января, 2024. <https://sudrf.ru>.

человека к сообщению информации, не соответствующей действительности. За рубежом исследователь Пол Экман предположил, что у человека есть несколько основных мотивов лжи: сочувствие или лояльность кому-либо, уход от наказания, получение вознаграждения, защита кого-либо, самозащита, попытка сохранить конфиденциальную информацию или простая предрасположенность человека ко лжи (Ekman 1985).

В силу того, что сообщение противоречащих истине сведений в бытовой деятельности и в ходе судопроизводства имеет принципиально разное значение и условия, ученые отдельно изучали субъективную сторону преступлений, связанных с лжесвидетельством. В одном из исследований отмечается, что обычно основными внутренними причинами дачи ложных показаний являются желание причинить вред стороне в гражданском или уголовном процессе; оказание помощи подозреваемому в уголовном или гражданском процессе вследствие принуждения, угрозы или подстрекательства; опасения вызвать недовольство стороны, в чью пользу свидетель должен представить показания (Zahoor et al. 2020, 1574).

Отечественные ученые также не обошли вниманием особенности мотивов преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ. В частности, К. В. Цепелев в рамках диссертационного исследования выделяет такие мотивы: желание помочь виновному лицу избежать ответственности; жалость; корысть; ложно понятое чувство товарищества; воспрепятствование установлению истины по делу и др. (Цепелев 2018, 149). По мнению Л. Г. Дубинина, для лжесвидетельства наиболее характерны два мотива: корыстный (около 75 % случаев) и мести (около 25 %) (Дубинин 2012). Такое распределение внутренних побуждений выглядит несколько необычно. Кроме того, вызывает обоснованные вопросы отсутствие иных мотивов. В другом научном труде выделяются следующие группы внутренних побуждений, вызывающих у свидетелей решимость дать ложные показания: корыстные; страх; нежелание взаимодействовать с правоохранительными органами (мотивы отрицания) (Мисник, Данеев 2019, 68).

Мотив не является обязательным признаком составов преступлений, предусмотренных ст. 307 УК РФ, однако все равно подлежит доказыванию в силу п. 2 ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ. К сожалению, в ряде случаев наблюдается очень формальный подход к определению мотива: признак указывается поверхностно и без должного изучения. Так, в рамках анализа установлено, что наиболее часто встречается мотив «оказания помощи подсудимому» (32,6 %). При этом суды не выясняют, почему именно свидетель или эксперт решили оказать такую помощь: в силу родственных или дружеских отношений, за деньги или же по другим причинам. Иными словами, внутреннее побуждение фактически не раскрывается, а из текста судебного акта следует, что виновное лицо просто решило помочь подсудимому по причинам, которые для разрешения дела по существу, видимо, не играют какой-либо роли. Отсутствие конкретизации, как нам представляется, негативно влияет на обоснованность приговора.

В то же время следует положительно охарактеризовать тот факт, что в остальных исследованных актах наблюдается неформализованный подход к определению мотива совершения преступления. В приговорах не просто отражается данный признак, но и объясняется, в силу чего он сформировался (например, свиде-

тель и подсудимый являлись матерью и сыном). В 19,1 % рассмотренных случаев преступление было совершено из-за дружеских отношений. В 15,6 % изученных приговоров имелся мотив личной заинтересованности (которая могла быть связана с взаимоотношениями или стремлением скрыть собственные нарушения закона). Ряд противоправных деяний были совершены из корыстных побуждений (12,2 %) или в силу родственных отношений (9,6 %). Остальные мотивы выявлялись значительно реже: личные неприязненные отношения (4,4 %); сострадание или жалость к подсудимому (3,9 %); ложно понятые интересы службы (1,7 %) и служебные отношения (0,9 %). К нашему удивлению, в приговорах ни разу не отражался мотив страха возмездия со стороны подсудимого, что, вероятно, объясняется особенностями выборки. Более наглядно процентное соотношение мотивов отражено в табл. 1.

Таблица 1. Мотивы совершения преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, %

Мотив	Распространенность
Оказание помощи подсудимому*	32,6
Дружеские отношения**	19,1
Личная заинтересованность***	15,6
Корыстные побуждения****	12,2
Родственные отношения*****	9,6
Личные неприязненные отношения*****	4,4
Сострадание или жалость к подсудимому*****	3,9
Ложно понятые интересы службы*****	1,7
Служебные отношения*****	0,9

* См., напр.: Приговоры Эхирит-Булагатского районного суда Иркутской области от 02.10.2018 по делу № 1-90/2018; Иланского районного суда Красноярского края от 21.03.2016 по делу № 1-21/2016.

** См., напр.: Приговоры Калининского районного суда г. Новосибирска от 20.02.2014 по делу № 1-74/2014; Северобайкальского городского суда Республики Бурятия от 19.08.2014 по делу № 1-200/2014.

*** См., напр.: Приговоры Орджоникидзевского районного суда г. Перми от 04.10.2013 по делу № 1-319/13; Советского районного суда г. Махачкалы от 21.02.2018 по делу № 1-239/2018.

**** См., напр.: Приговоры Адлерского районного суда Краснодарского края от 09.10.2018 по делу № 1-435/2018; Нововоронежского городского суда Воронежской области от 24.10.2016 по делу № 1-96/2016.

***** См., напр.: Приговоры Охинского городского суда Сахалинской области от 23.07.2013 по делу № 1-79/2013; Палехского районного суда Ивановской области от 12.11.2019 по делу № 1-106/2019.

***** См., напр.: Приговор Яшкинского районного суда Кемеровской области от 23.10.2017 по делу № 1-140/2017.

***** См., напр.: Приговор Дмитриевского районного суда Курской области от 04.03.2015 по делу № 1-5/2015.

***** См., напр.: Приговор Старооскольского городского суда Белгородской области от 04.07.2018 по делу № 1-158/2018.

***** См., напр.: Приговор Дзержинского районного суда города Нижний Тагил Свердловской области от 31.03.2016 по делу № 1-96/2016.

Таким образом, анализ приговоров позволяет утверждать, что корыстный мотив нельзя назвать типичным для лжесвидетельства, а его доля существенно ниже 75 %, как это было обнаружено в одном из предыдущих исследований (Дубинин 2012). Вместе с тем корысть все же встречается достаточно часто. Сама по себе распространенность каких-либо внутренних побуждений является слабым основанием для отражения их в тексте уголовного закона. Однако есть и другие причины, обуславливающие необходимость реакции законодательных органов.

Во-первых, как видно из ряда статей УК РФ (например, п. «з» ч. 2 ст. 126 или ч. 2 ст. 272 УК РФ), благодаря наличию признака корыстного мотива основной состав преступления становится квалифицированным, т. е. влечет более строгую уголовную ответственность. Совершенствование ст. 307 УК РФ в том же направлении вполне будет отвечать традиционному подходу. Во-вторых, указанное внутреннее побуждение явно повышает общественную опасность лжесвидетельства и лица, его совершившего. Ошибочно полагать, что виновное лицо соглашается предоставить неверные сведения лишь из-за влияния со стороны подсудимого. Не исключаются ситуации, когда свидетель, потерпевший, эксперт, специалист или переводчик сами являются инициаторами корыстного лжесвидетельства. Приведем пример из судебной практики.

Как следует из приговора Новгородского районного суда от 14.09.2020 по делу № 1-889/2020, следователь следственного отделения Управления Федеральной службы безопасности возбудил уголовное дело в отношении К. Д. А. по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 226¹ УК РФ: имело место покушение на незаконное перемещение через таможенную границу наперсных икон и крестов. Свидетель К. И. Ж., действуя из корыстных побуждений, с целью избежать конфискации культурных ценностей в доход государства и обратить их в свою собственность, при допросе сообщила, что культурные ценности принадлежат ей и получены по наследству, что заведомо не соответствовало действительности. Фактически иконы и кресты были найдены К. Д. А. при неустановленных обстоятельствах.

Повышенная степень общественной опасности и распространенность лжесвидетельства, совершенного с корыстным мотивом, позволяет выдвинуть предложение о необходимости корректировки ст. 307 УК РФ. Обратим внимание на то, что в целом такое мнение уже высказывалось в научной литературе. В частности, ученые предлагали включить в квалифицированный состав лжесвидетельства признак «совершенные по мотиву корыстной или иной личной заинтересованности» (Цепелев 2018, 13; Гарипов 2015, 93). С некоторыми оговорками с разработанными рекомендациями можно согласиться.

На наш взгляд, достаточно спорной является целесообразность включения в состав признака личной заинтересованности. Как показал анализ судебных приговоров, лжесвидетельство чаще всего совершается для оказания помощи подсудимому, а также из дружеских или родственных отношений. Все перечисленное охватывается понятием «личная заинтересованность». Иначе говоря, при введении данного признака почти две трети эпизодов будут оценены как квалифицированные составы и повлекут более строгое наказание. Кроме того, едва ли мож-

но утверждать, что совершение деяния для оказания помощи подсудимому либо из дружеских, либо из родственных отношений каким-то образом повышает общественную опасность. Указанное можно отнести лишь к эксперту или переводчику, но не к свидетелю.

Не совсем корректным представляется понятие «заинтересованность». Оно давно используется в уголовном законе, но наряду с ним применяются также более правильные термины «мотив» и «побуждение». Все они характеризуют некие внутренние процессы деятельности человека. В действительности «мотив» является психологическим понятием, которое как раз и означает побуждение к чему-либо (Леонтьев 2016). В уголовном праве давно уже назрела необходимость сведения различных терминов, имеющих одинаковое смысловое значение, к одному целому, однако этому целесообразно посвятить отдельное исследование. В данной работе ограничимся тем, что предлагаемый квалифицирующий признак должен включать словосочетание «корыстные побуждения».

В свете сказанного обратимся к зарубежному законодательству. Существуют различные подходы к вопросу о том, учитывать ли внутренние побуждения совершения лжесвидетельства, и если учитывать, то каким образом. Чаще всего в зарубежном праве мотив данного деяния (и многих других) не включается в конструкцию как основного, так и квалифицированного составов преступления. Более того, указанный признак и вовсе может не иметь какого-либо значения для привлечения виновного лица к ответственности (Skoczeń 2022). Тем не менее изучение зарубежного законодательства и отдельных научных трудов позволило выявить несколько нормативных решений, подкрепляющих позицию о необходимости более строгой санкции в случае совершения деяния из корыстных побуждений. В частности, ст. 434-14 Уголовного кодекса Франции⁷ закрепляет квалифицированный состав лжесвидетельства, при котором дача неверных показаний совершается из-за подарка или какой-нибудь награды (Saint Sernin, Javary 2017). Кроме того, полезным видится опыт Республики Беларусь: ч. 2 ст. 401 УК РБ, помимо признака «с искусственным созданием доказательств обвинения», включает признак «совершение из корыстных побуждений». На наш взгляд, именно указанные положения закона могут служить ориентиром для совершенствования отечественных норм. Правда, заимствование признака «с искусственным созданием доказательств обвинения» вряд ли оправданно, поскольку подобная деятельность полностью охватывается ст. 303 УК РФ.

2.2. Соучастие в преступлении

В отечественном уголовном законодательстве достаточно часто закрепляют различные формы соучастия в качестве квалифицирующих признаков состава преступления. При этом в последнее десятилетие наблюдается тенденция по расширению круга таких составов. Например, в ч. 2 ст. 354¹ УК РФ добавлен п. «б», охватывающий совершение деяния группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Часть 3 ст. 258¹ УК РФ прежде включала только признак совершения деяния организованной группой, а теперь включает

⁷ Code Pénal du 22.07.1992. Дата обращения 25 января, 2024. https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070719/LEGISCTA000006089684/#LEGISCTA000006089684.

и признак совершения деяния группой лиц по предварительному сговору. Причинами таких законодательных изменений служат повышенная общественная опасность различных форм соучастия и их распространенность.

На первый взгляд, необходимость наличия подобных отягчающих признаков при лжесвидетельстве очевидна. Однако ст. 307 УК РФ не охватывает групповое совершение преступления, что видится серьезным упущением. Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод в ходе судопроизводства опровергаются другими доказательствами, в качестве которых также могут выступать показания и заключения. Соответственно, наличие множества подкрепляющих друг друга фактов лжесвидетельства снижает вероятность выявления их недостоверности и повышает вероятность вынесения ошибочного решения суда, что, на наш взгляд, прямо говорит об увеличении степени общественной опасности.

Отразить точную распространенность соучастия в лжесвидетельстве достаточно трудно. Отсутствие соответствующего признака в составе преступления может привести к тому, что в ходе судопроизводства будет меньше обращаться внимания на факт сговора, т. е. имеется вероятность отсутствия отражения в приговорах судов соучастия, имеющего место в действительности.

Так, приговором Димитровградского городского суда Ульяновской области от 17.04.2014 по делу № 1-102/2014 М. Ю. А. был признан виновным в даче заведомо ложных показаний, а именно: М. Ю. А. сообщил, что, находясь в Центре по противодействию экстремизму (ЦПЭ) УВД по Ульяновской области, при наблюдении им за действиями сослуживцев не видел актов противоправного поведения, ударов и применения насилия. В дополнение к этому приговором Димитровградского городского суда Ульяновской области от 07.05.2014 по иному делу № 1-78/2014 К. А. Ю. был признан виновным в даче заведомо ложных показаний. Как следует из изученного текста, К. А. Ю. также находился в ЦПЭ УВД по Ульяновской области и также не видел насилия, незаконного применения наручников и ограничивающих видимость предметов на головах. Кроме того, приговором Димитровградского городского суда Ульяновской области от 16.04.2014 по делу № 1-107/2014 М. С. Ю. был признан виновным в даче заведомо ложных показаний. Обстоятельства совершения преступления практически целиком совпадают с вышеприведенными примерами: виновные лица находились в одном здании, проходили службу в одном правоохранительном органе и преследовали одну и ту же цель — помочь своим сослуживцам избежать уголовной ответственности. Ложные показания касались одного и того же события. При похожих обстоятельствах в деянии виновных лиц вполне могут быть усмотрены признаки соучастия, влекущие за собой применение п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

В подкрепление сказанному приведем работы зарубежных исследователей. Так, С. Данклу удалось доказать, что лжесвидетельство весьма характерно для американской полиции. Чаще всего ложные сведения сообщаются относительно актов насилия, осуществленных сослуживцами. По мнению автора, проблема является структурной, поэтому ее решение требует не только правовых изменений, но и организационных, включая создание новых правоохранительных органов (Dunkle 2021, 2054). Анализируя факты дачи ложных показаний сотрудниками полиции, Чин и Уэллс пришли к выводу о том, что они имеют свои особенности: 1) данное

преступление совершается по отличающимся мотивам (наличие некоего «кодекса молчания», взаимоотношения с коллегами, боязнь возмездия со стороны сослуживцев); 2) полицейские, как правило, поддерживают ложные показания друг друга, т.е. вступают в сговор; 3) проблема существует давно, весьма распространена и не имеет быстрого решения (Chin, Wells 1997).

Проведенный нами анализ судебных актов позволил выявить 42 эпизода, в которых несколько участников процесса сообщали совпадающие по содержанию ложные сведения⁸. Это составляет 18,2% от общего количества изученного материала и прямо свидетельствует о распространенности данного явления. Нам также удалось выявить пять практически идентичных уголовных дел о лжесвидетельстве⁹, но деяния все равно не были охарактеризованы как совершенные в соучастии. Думается, если бы в ст. 307 УК РФ наличествовал признак «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору», то он обязательно был бы применен при квалификации этих преступлений, и в таком случае официальная статистика более соответствовала бы действительности, что позволило бы лучше понимать состояние преступности. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что ст. 307 УК РФ нуждается в дополнении квалифицирующим признаком, отражающим формы соучастия.

Нелишне напомнить, что в странах англосаксонской правовой семьи сговор в совершении какого-либо преступления зачастую признается отдельным деликтом. В частности, соучастие в даче ложных показаний запрещено п. 371 Кодекса Соединенных Штатов Америки¹⁰, т.е. данное деяние является отдельным федеральным преступлением, которое наказывается лишением свободы на срок до пяти лет (Doyle 2018).

Мнение о необходимости такой корректировки нашло поддержку в научной литературе. К. В. Цепелев предлагает закрепить в ч. 3 ст. 307 УК РФ квалифицирующий признак «совершенные группой лиц по предварительному сговору» (Цепелев 2018, 13). Схожей позиции придерживаются П. Б. Музыченко и А. Д. Трегуб (Музыченко, Трегуб 2020, 122), а Р. Е. Затона предлагает предусмотреть в качестве квалифицирующего признака «те же действия, если они совершены по предварительному сговору о даче ложного заключения с другими лицами», что несколько отличается от принятых в уголовном законе формулировок, но в целом имеет ту же направленность (Затона 2018, 230).

Позиции, отраженные в предыдущих исследованиях отечественными учеными, подтверждаются полученными нами эмпирическими данными. Формы соучастия целесообразно закрепить в ст. 307 УК РФ в качестве квалифицирующих признаков, однако ограничиться при этом следует только группой лиц по предварительному сговору, так как совершение деяния простой группой лиц не столь существенно повышает степень общественной опасности. Совместное совершение лжесвидетельства без предварительного сговора не позволяет сформировать тща-

⁸ См., напр.: Приговоры Зареченского районного суда г. Тулы от 31.03.2011 по делу № 1-30/2011; от 04.04.2011 по делу № 1-31/2011.

⁹ Приговоры Димитровградского городского суда Ульяновской области от 17.04.2014 по делу № 1-102/2014; от 07.05.2014 по делу № 1-78/2014; от 16.04.2014 по делу № 1-107/2014; от 06.05.2014 по делу № 1-97/2014; от 16.04.2014 по делу № 1-108/2014.

¹⁰ United States Code dated June 30, 1926. Дата обращения 25 января, 2024. <https://www.law.cornell.edu/uscode/text>.

тельно проработанную фальшивую картину произошедшего, а также создать поддельные обоснования показаний. Иначе говоря, адаптировать ложь двух и более человек под реальные события так, чтобы это не вызывало логических неувязок, без сговора практически невозможно. Вместе с тем согласованные действия могут дополнять друг друга, а увеличение количества лжесвидетелей, в деталях подтверждающих показания, не соответствующие действительности, существенно повышает вероятность вынесения незаконного процессуального решения. В свою очередь, создание организованной группы ради лжесвидетельства представляется маловероятным, к тому же оно не было обнаружено в ходе детального анализа судебных актов.

2.3. Санкции, установленные за совершение лжесвидетельства

Санкции, закрепленные в ч. 1 и ч. 2 ст. 307 УК РФ, удивляют своей мягкостью, как и санкции всей главы «Преступления против правосудия». В свете последних изменений заметно, что данная проблема не осталась без внимания законодателя. Так, за совершение принуждения к даче показаний Федеральным законом от 14.07.2022 № 307-ФЗ в ст. 302 УК РФ были введены ч. 3 и 4, в которых закреплено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 12 и до 15 лет соответственно, т. е. верхний предел оказался поднят почти в два раза.

В действующей редакции ч. 1 ст. 307 УК РФ наиболее строгое наказание выражается в аресте на срок до трех месяцев. Данное деяние относится к категории преступлений небольшой тяжести. При этом исполнение ареста на текущий момент, как известно, невозможно ввиду отсутствия необходимых условий, поэтому судьи ограничиваются исправительными работами. Санкция, закрепленная в ч. 2 ст. 307 УК РФ, предусматривает верхний предел наказания в виде лишения свободы на срок до пяти лет. Таким образом, данное деяние относится уже к категории средней тяжести.

Полагаем, установленные санкции не способствуют обеспечению эффективной защиты охраняемых отношений. Для подтверждения этого сравним наказания, предусмотренные за совершение преступлений, обладающих схожими чертами. Так, практически каждый состав клеветы (не считая закрепленного в ч. 1 ст. 128¹ УК РФ) влечет за собой максимальное наказание в виде лишения свободы, в то время как ч. 1 ст. 307 УК РФ такого наказания не предусматривает. При этом характер общественной опасности лжесвидетельства совершенно иной. Конечно, нельзя сказать, что ценность общественных отношений, обеспечивающих нормальную деятельность правосудия (правоохранительных органов при расследовании преступлений), значительнее личности, ее чести и достоинства. Однако преступление, предусмотренное ст. 307 УК РФ, является многообъектным и способно причинять вред не только установленному законом порядку получения доказательств, но и правам и законным интересам личности. В зарубежной литературе называются и иные общественные отношения, которые могут пострадать от данного преступления (Gorunescu 2019, 117). Кроме того, в отличие от клеветы, при лжесвидетельстве субъект не только сообщает заведомо ложные сведения, но и заранее предупреждается об ответственности за данное деяние.

По мнению Л. О. Кулевой, санкции норм, регулирующих ответственность за совершение заведомо ложного доноса и лжесвидетельства, не согласованы между собой: ч. 1 ст. 307 более льготная по отношению к ч. 1 ст. 306, в то время как ч. 2 ст. 307 наиболее строгая по наказуемости, нежели ч. 2 ст. 306 УК РФ (Кулева 2019).

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, может выражаться в форме заведомо ложного заключения эксперта. Вместе с тем уголовный закон признает наказуемыми почти аналогичные действия за пределами судопроизводства. Так, ст. 200⁶ УК РФ запрещает дачу экспертом, уполномоченным представителем экспертной организации заведомо ложного экспертного заключения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Данное преступление наказывается, помимо прочего, лишением свободы на срок до одного года. Более строгую ответственность влечет то же деяние, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью, смерти одного или нескольких человек. Разницу в санкциях можно было бы объяснить тем, что состав, закрепленный в ч. 1 ст. 200⁶ УК РФ, является материальным и охватывает причинение крупного ущерба. Однако точно такой же ущерб может наступить и от ложного заключения эксперта в ходе судопроизводства, даже если это не отражено в диспозиции ст. 307 УК РФ. Изложенное подводит к следующему вопросу: почему преступление, причиняющее больший вред и большему количеству объектов, наказывается менее строго? Отметим, что мы сравнивали санкции, установленные за совершение достаточно близких по признакам преступлений. Однако если говорить о распространении заведомо ложной информации в целом, то следует отметить ст. 207³ УК РФ, в ч. 3 которой предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет.

Изучение приговоров судов позволяет сделать вывод о том, что лжесвидетелям назначаются весьма мягкие наказания. Почти в половине случаев (47,8 %) избирается штраф, причем его размер редко превышает 10–20 тыс. руб. Лишение свободы на срок от одного года до двух лет назначается лишь за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 307 УК РФ. Нам удалось обнаружить только один случай, когда срок лишения свободы превысил три года. В целом, на наш взгляд, штраф (часто в минимальном размере) не в полной мере отвечает общественной опасности преступления, тем более когда оно совершается группой лиц по предварительному сговору или из корыстных побуждений. Более наглядно распределение назначенных наказаний отражено в табл. 2.

В контексте рассматриваемой проблемы целесообразно обратиться к санкциям, закрепленным в законодательстве некоторых зарубежных стран. Так, ст. 153 Уголовного кодекса ФРГ¹¹ за совершение лжесвидетельства предусматривает наказание в виде лишения свободы от трех месяцев до пяти лет (Iancu 2020). Во Франции за заведомо ложные показания, данные под присягой перед любым судебным органом или перед должностным лицом судебной полиции, назначается наказание в виде тюремного заключения сроком до пяти лет. При корыстном характере посягательства, а также лжесвидетельстве против или в пользу лица, подлежаще-

¹¹ Strafgesetzbuch am 15. Mai 1871. Дата обращения 25 января, 2024. <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb>.

го уголовному наказанию, срок тюремного заключения увеличивается до семи лет (ст. 434-14 Уголовного закона Франции¹²) (Цепелев 2018, 58). В Великобритании,

Таблица 2. Распределение наказаний, назначенных за совершение преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, %

Наказание	Распространенность
Штраф*	47,8
Обязательные работы**	9,6
Исправительные работы***	19,6
Ограничение свободы****	0,9
Лишение свободы на срок до одного года*****	0,9
Лишение свободы на срок от одного года до двух лет*****	20,4
Лишение свободы на срок от трех до пяти лет*****	0,4
Отсутствует (оправдательный приговор)*****	0,4

* См., напр.: Приговоры Локнянского районного суда Псковской области от 01.04.2014 по делу № 1-14/2014; Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 14.03.2017 по делу № 1-163/4-2017.

** См., напр.: Приговор Савинского районного суда Ивановской области от 24.02.2015 по делу № 1-6/2015.

*** См., напр.: Приговоры Новокуйбышевского городского суда Самарской области от 22.12.2014 по делу № 1-446/2014; Альметьевского городского суда Республики Татарстан от 15.05.2020 по делу № 1-157/2020.

**** См., напр.: Приговор Старооскольского городского суда Белгородской области от 04.07.2018 по делу № 1-158/2018.

***** См., напр.: Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Перми от 04.10.2013 по делу № 1-319/13.

***** См., напр.: Приговоры Нерюнгринского городского суда Республики Саха (Якутия) от 03.12.2019 по делу № 1-372/2019; Центрального районного суда города Красноярск от 02.03.2021 по делу № 1-60/2021.

***** См., напр.: Приговор Красновишерского районного суда Пермского края от 13.01.2022 по делу № 1-2/2022.

***** См., напр.: Приговор Центрального районного суда г. Оренбурга от 27.08.2018 по делу № 1-152/2018.

согласно Закону о лжесвидетельстве 1911 г. (Perjury Act 1911¹³), потенциальным наказанием за дачу ложных показаний является лишение свободы на срок до семи лет (Heuwood 2014). По Уголовному кодексу Италии¹⁴, за дачу ложных показаний

¹² Code Pénal du 22.07.1992. Дата обращения 25 января, 2024. https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070719/LEGISCTA000006089684/LEGISCTA000006089684.

¹³ Perjury Act 1911 dated 29th June 1911. Дата обращения 25 января, 2024. <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/1-2/6/introduction>.

¹⁴ Codice Penale REGIO DECRETO 19 ottobre 1930, n. 1398. Дата обращения 25 января, 2024. <https://www.gazzettaufficiale.it/sommario/codici/codicePenale>.

предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от двух до шести лет. Такое же наказание (в совокупности с запретом заниматься определенной деятельностью) предусмотрено за совершение ложной экспертизы или ложного перевода (Iancu 2020).

Уголовный кодекс Нигерии¹⁵ отличается жестокими санкциями, установленными за совершение лжесвидетельства. Основным наказанием является лишение свободы на срок до 14 лет. Вместе с тем тот, кто умышленно дает ложные показания, намереваясь причинить смерть какому-либо лицу, подлежит наказанию в виде пожизненного тюремного заключения. Если невиновный осужден и казнен вследствие таких ложных показаний, то лицо, давшее их, подлежит наказанию в виде смертной казни. Указанные сроки не являются обязательными, поскольку конкретное наказание суд назначает с учетом множества факторов. Однако положение о применении смертной казни носит императивный характер (Basse, Miracle, Lene 2020, 72).

Изучив законодательство азиатских зарубежных стран, С. А. Рябчиков выявил преобладание более строгих санкций по сравнению с отечественными. В частности, автор отмечает наличие в Казахстане наказания за лжесвидетельство в виде лишения свободы на срок до шести лет, а в Японии — лишения свободы с принудительным физическим трудом на срок до десяти лет (Рябчиков 2021, 88).

Проблема соответствия рассматриваемых санкций общественной опасности преступления, а также принципу системности уголовного закона стала предметом исследования нескольких отечественных авторов. В частности, обращается внимание на излишнюю мягкость санкций, поскольку преступление причиняет вред нормальной работе правоохранительных органов, а также обществу в целом. В то же время исследователи уверены, что ужесточение наказания позволит повысить его превентивную роль (Пикин, Ключников, Барехова 2020). Отталкиваясь от результатов изучения законодательства зарубежных стран и исторического опыта противодействия лжесвидетельству, С. А. Рябчиков также считает, что положения ст. 307 УК РФ подлежат пересмотру и изменению в части ужесточения санкции (Рябчиков 2021, 88).

Помимо результатов сравнения санкций и распространенности деяния, отметим еще один момент. Составы преступления, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 307 УК РФ, характеризуются наличием специального субъекта. В науке уголовного права имеется обоснованное мнение, согласно которому признаки специального субъекта указывают на более высокую степень общественной опасности деяния. Это должно приниматься во внимание законодателем при конструировании санкций, а также при индивидуализации и назначении справедливого наказания (Тарасова 2006).

Таким образом, в литературе имеется достаточно доказательств необходимости ужесточения санкций. Впрочем, встречаются и противоположные позиции. Например, по мнению Н. С. Косяковой, нужно разграничивать ответственность за дачу заведомо ложных показаний в зависимости от вида судопроизводства. В рамках гражданского судопроизводства автор предлагает ограничиться административно-правовыми мерами противодействия лжесвидетельству (Косякова 2001).

¹⁵ Nigerian Criminal Code Act dated 1 June 1916. Дата обращения 25 января, 2024. <https://www.refworld.org/docid/49997ade1a.html>.

Таким образом, изложенное доказывает, что назрела необходимость пересмотра санкций, закрепленных в ст. 307 УК РФ. Однако простое ужесточение посредством увеличения пределов наказаний или введения новых их видов нельзя назвать однозначно верным решением. В науке уголовного права неоднократно доказывалось, что наличие суровой ответственности еще не означает ее эффективности (Tonry 2017). Вместе с тем отсутствие согласованности санкций, по нашему мнению, не может оставаться без внимания. В конце концов, системность уголовного закона означает взаимосвязь элементов, при которой они оказывают влияние друг на друга. Мы согласны с мнением С. С. Тихоновой, полагающей, что во многих случаях законодатель конструирует санкции умозрительно, без соответствующей научной основы (Тихонова 2008, 63). По крайней мере, такой подход ясно прослеживается относительно ст. 307 УК РФ.

В рамках настоящего исследования мы вынуждены ограничиться выводом о необходимости приведения санкции нормы в соответствие с санкциями иных норм. Это может быть сделано за счет ужесточения: установления минимальных пределов, поднятия верхних пределов и добавления отдельных видов наказания (например, принудительных работ и лишения свободы в ч. 1 ст. 307 УК РФ). Другой вариант решения проблемы состоит в том, чтобы упорядочить санкции, которые предусмотрены за совершение смежных преступлений. В таком случае пересмотр не обязательно будет связан с ужесточением. Думается, именно второй вариант является более верным, поскольку он позволит устранить сразу несколько недостатков уголовного закона. Более того, он сможет стать ориентиром системной проработки санкций для последующих изменений других норм.

В то же время очевидно, что проблема носит более глубокий характер и должна решаться за счет долгой, кропотливой работы законодателя с учетом имеющихся научных достижений. Отсутствие согласованности санкций и несоответствие их правовым принципам дезорганизует отдельные элементы системы, что существенно снижает исправительный и превентивный потенциал уголовного закона. Чтобы преодолеть указанную дезорганизацию, необходимы последовательные, множественные изменения, для проработки которых в законодательном органе стоит создать отдельную рабочую группу.

3. Выводы

Проведенное исследование позволило сформулировать выводы и предложения, которые могут быть использованы для развития науки уголовного права и совершенствования законодательства. Ложные показания свидетеля, потерпевшего, а также заключение или показания эксперта и специалиста, как и неправильный перевод, могут оказать непосредственное и ощутимое влияние на вероятность вынесения ошибочного судебного решения. При этом уголовно-правовое противодействие данному преступлению, выражающееся в первую очередь в существовании и действии ст. 307 УК РФ, не свободно от недостатков.

Первая проблема связана с тем, что законодатель не включил признак мотива в составы лжесвидетельства, хотя это могло бы поспособствовать лучшей дифференциации и индивидуализации ответственности. Из-за отсутствия данного признака суды формально подходят к определению внутренних побуждений, способ-

ствующих общественно опасному поведению. Вместе с тем изучение приговоров позволило установить, что корыстный мотив является одним из самых распространенных. Настойчивое стремление извлечь имущественную выгоду из лжесвидетельства повышает общественную опасность данного преступления. С учетом позиций, имеющих в научной литературе, а также зарубежного опыта, считаем необходимым скорректировать ст. 307 УК РФ. В частности, целесообразно закрепить корыстные побуждения в качестве квалифицирующего признака.

Вторая проблема заключается в том, что ст. 307 УК РФ не охватывает совершенные преступления в соучастии. Благодаря анализу судебных актов удалось выявить 42 эпизода (18,2 %), в которых ложные показания или заключения участников процесса косвенно свидетельствовали о наличии сговора. Однако в тексте приговоров соучастие не было отражено, не применялся п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Очевидно, что наличие множества подкрепляющих друг друга фактов лжесвидетельства снижает вероятность их выявления и повышает вероятность вынесения ошибочного решения. Поэтому предлагаем закрепить формы соучастия в ст. 307 УК РФ в качестве квалифицирующих признаков. В то же время следует ограничиться только группой лиц по предварительному сговору, так как совершение деяния простой группой лиц не столь существенно повышает степень общественной опасности, а создание организованной группы ради лжесвидетельства представляется маловероятным.

Таким образом, предлагаемые изменения затрагивают ч. 2 ст. 307 УК РФ. Примерная формулировка ее диспозиции могла бы выглядеть следующим образом:

Статья 307. Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод

<...>

2. Те же деяния:

а) соединенные с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления;

б) совершенные из корыстных побуждений;

в) совершенные группой лиц по предварительному сговору, <...>

Третья проблема состоит в том, что санкции, установленные за совершение лжесвидетельства, не способствуют обеспечению эффективной защиты охраняемых отношений. Дело не только в том, что они излишне мягкие (как неоднократно отмечалось учеными). Основной недостаток заключается в отсутствии согласованности с другими нормами. Наиболее правильным решением представляется упорядочение санкций, предусмотренных за совершение смежных преступлений. Между тем настоящее исследование также позволило прийти к выводу о том, что проблема согласования санкций весьма глубока и обширна. Ее решение возможно только с помощью длительной работы законодателя на основе достижений науки уголовного права.

Сформулированные рекомендации по совершенствованию норм уголовного права, безусловно, могут быть уточнены или опровергнуты последующими научными изысканиями. Однако нам представляется очевидной необходимость совершенствования содержания ст. 307 УК РФ тем или иным образом. При этом совершенство-

вание законодательной конструкции норм об ответственности за лжесвидетельство не исчерпывается рассмотренными аспектами, поэтому мы надеемся, что дополнительные исследования внесут вклад в решение проблем обеспечения правосудия.

Библиография

- Гарипов, Тимур И. 2015. «Об уголовной ответственности свидетеля и потерпевшего за заведомо ложные показания». *Закон и право* 4: 92–93.
- Гельдибаев, Мовлад Х. 2020. «Уголовно-правовая характеристика преступлений против правосудия». *Уголовная политика и правоприменительная практика: мат-лы VII Междунар. науч.-практ. конф.*, 158–163. СПб.: Астерион.
- Дубинин, Лев. Г. 2012. «Мотивы заведомо ложных показаний свидетеля и потерпевшего». *Российский следователь* 16: 28–32.
- Затона, Роман Е. 2018. «Об ответственности эксперта и специалиста как об межотраслевой проблеме российского законодательства». *Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сб. науч. ст.*, 227–231. Курск: Юго-Западный государственный университет.
- Косякова, Наталья С. 2001. «Лжесвидетельство». *Государство и право* 4: 67–68.
- Кудрявцев, Дмитрий С. 2019. «Преодоление противодействия раскрытию и расследованию преступлений в Республике Беларусь». Дис. ... канд. юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел РФ им. В. Я. Кикотя.
- Кулева, Людмила О. 2019. «Учет категорий преступлений при конструировании составов преступлений и санкций за их совершение в УК РФ». *Вестник Ярославского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки* 3: 72–75.
- Леонтьев, Дмитрий А. 2016. «Понятие мотива у А. Н. Леонтьева и проблема качества мотивации». *Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология* 2: 3–18.
- Лихолетов, Александр А., Анна А. Победнова. 2021. «Проблемы применения нормы об уголовной ответственности за заведомо ложное показание, заключение эксперта или специалиста или неправильный перевод». *Вестник Волгоградской академии МВД России* 3 (58): 79–85.
- Мисник, Ирина В., Алексей В. Данеев. 2019. «Ложные показания свидетеля: мотивы и тактика избличения». *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра* 3 (11): 66–70.
- Морхат, Петр М. 2019. *Искусственный интеллект: референтная судебная практика*. М.: Юнити-Дана.
- Музыченко, Павел Б., Александр Д. Трегуб. 2020. «Проблемы, возникающие в сфере дачи заведомо ложных показаний, заключений эксперта, специалиста или неправильного перевода». *Современные проблемы уголовного права и процесса: сб. науч. тр. 60-й студен. науч.-практ. конф.*, 121–123. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет.
- Пикин, Иван В., Михаил И. Ключников, Екатерина С. Барехова. 2020. «Заведомо ложный донос и заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод: актуальные проблемы и пути их решения». *Право и практика* 4: 145–149.
- Рябчиков, Сергей. А. 2021. «Лжесвидетельство: спорные вопросы привлечения и освобождения от уголовной ответственности». *Вестник Уфимского юридического института МВД России* 2 (92): 84–88.
- Тарасова, Юлия В. 2006. «Специальный субъект преступления и его значение в уголовном праве». Дис. ... канд. юрид. наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.
- Тихонова, Светлана С. 2008. *Юридическая техника в уголовном праве*. Нижний Новгород: Деком.
- Цепелев, Константин В. 2018. «Заведомо ложный донос и заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации». Дис. ... канд. юрид. наук, Университет прокуратуры РФ.
- Bassey, Okra U., Amadi A. Miracle, Ndubueze E. Lene. 2020. “Rethinking the basis and relevance of the Law of Perjury: A pathway to its resuscitation”. *Scholars International Journal of Law, Crime and Justice* 3 (3): 68–78.
- Budiană, Georgeta-Raluca. 2021. “Considerations on the material element of the objective side of the offense of ‘perjury’ from the perspective of the witness”. *Revista de Stiinte Politice* 71: 111–120.

- Chin, Gabriel J., Scott C. Wells. 1997. "The blue wall of silence as evidence of bias and motive to lie: A new approach to police perjury". *University of Pittsburgh Law Review* 59: 233–299.
- Crank, Stephanie D., Drew A. Curtis. 2023. "And nothing but the truth: An exploration of perjury". *Journal of Police and Criminal Psychology* 38 (1): 83–92.
- Doyle, Charles. 2018. *False statements and perjury: An overview of Federal Criminal Law*. Accessed July 30, 2022. <https://sgp.fas.org/crs/misc/98-808.pdf>.
- Dunkle, Samuel. 2021. "'The air was blue with perjury': Police lies and the case for abolition". *New York University Law Review* 96 (2): 2048–2093.
- Ekman, Paul. 1985. "Telling lies: Clues to deceit in the marketplace, politics, and marriage". New York: W. W. Norton & Company.
- Gorunescu, Mirela. 2019. "Issues of controversial practice referring to the crime of false testimony". *Lex ET Scientia International Journal* 26: 116–123.
- Heywood, Rob. 2014. "Hillsborough: Legal culpability in the aftermath of the findings of the Independent Panel". *Northern Ireland Legal Quarterly* 65 (1): 101–119.
- Iancu, Elena-Ana. 2020. "Theoretical and practical aspects regarding the investigation of the criminal offence of false testimony". *Athens Journal of Law* 6 (4): 323–338.
- Neuschatz, Jeffrey S., Danielle K. DeLoach, Megan A. Hillgartne, Melanie B. Fessinger, Stacy A. Wetmore, Amy B. Douglass, Brian H. Bornstein, Alexis M. Le Grand. 2021. "The truth about snitches: An archival analysis of informant testimony". *Psychiatry, Psychology and Law* 28 (4): 508–530.
- Saint Sernin, Jean, Baptiste Javary. 2017. "Lexigence de sincérité du témoignage devant la commission d'enquête parlementaire: l'affaire Aubier". *Constitutions: revue de droit constitutionnel appliqué*. Accessed July 29, 2022. <https://archivesic.ccsd.cnrs.fr/UNIV-PARIS10/hal-03226873v1>.
- Schmidt, Sibylle. 2017. "Perpetrators' knowledge: What and how can we learn from perpetrator testimony?" *Journal of Perpetrator Research* 1 (1): 85–104.
- Skoczeń, Izabela. 2022. "Modelling perjury: Between trust and blame". *International Journal for the Semiotics of Law-Revue internationale de Sémiotique juridique* 35 (2): 771–805.
- Tonry, Michael. 2017. "Making American sentencing just, humane, and effective". *Crime and Justice* 46 (1): 441–504.
- Zahoor, Rashida, Muhammad F. Anwar, Muhammad A. Safdar, Jibran Jamshed. 2020. "A comparative study of perjury in legal system of Pakistan and Islamic law". *Journal of Business and Social Review in Emerging Economies* 6 (4): 1571–1579.

Статья поступила в редакцию 3 августа 2022 г.;
рекомендована к печати 3 ноября 2023 г.

Контактная информация:

Мосечкин Илья Николаевич — канд. юрид. наук, доц.; weretowelie@gmail.com
Крукковский Владимир Евгеньевич — канд. юрид. наук, доц.; Krukovsky@vyatsu.ru

Perjury: Problems of criminal law regulation of subjective signs, complicity and punishment established for a crime

V. E. Krukovsky, I. N. Mosechkin

Vyatka State University,
36, ul. Moskovskaya, Kirov, 610000, Russian Federation

For citation: Mosechkin, Ilya N., Vladimir E. Krukovsky. 2024. "Perjury: Problems of criminal law regulation of subjective signs, complicity and punishment established for a crime". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 67–86. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.105> (In Russian)

The article is devoted to the study of directions for improving the norm governing criminal liability for perjury. The relevance of the research topic is due to the stability of the indicators of these acts, as well as the importance and diversity of social relations that suffer from their

commission. The authors analyzed 230 court verdicts issued in connection with the commission of an act under Art. 307 of the Criminal Code of the Russian Federation. The results of the analysis were compared with the opinions of scientists and foreign experience of legal counteraction to perjury. The study of sentences made it possible to identify the most common motives for the crime, including selfish motives. The article substantiates the expediency of including this feature in Part 2 of Art. 307 of the Criminal Code of the Russian Federation, since it increases the social danger of a crime. In addition, the analysis of sentences made it possible to identify 42 episodes (18,2%) in which false testimony or conclusions of participants in the process indirectly testified to the presence of collusion. Since many facts of perjury that reinforce each other reduce the likelihood of their detection and increase the likelihood of making an erroneous decision, it is proposed to consolidate the forms of complicity in Part 2 of Art. 307 of the Criminal Code of the Russian Federation as qualifying signs. The authors also provide a justification for the fact that the sanctions established for giving false testimony do not contribute to the effective protection of protected relations. The main drawback is the lack of consistency with other norms. The article proposes to arrange among themselves the sanctions provided for the commission of related crimes. The wording of the relevant article has been formulated, which can be used as a recommendation for improving legislation.

Keywords: perjury, justice, selfish motive, sanction, complicity, witness.

References

- Bassey, Okpa U., Amadi A. Miracle, Ndubueze E. Lene. 2020. "Rethinking the basis and relevance of the Law of Perjury: A pathway to its resuscitation". *Scholars International Journal of Law, Crime and Justice* 3 (3): 68–78.
- Budiană, Georgeta-Raluca. 2021. "Considerations on the material element of the objective side of the offense of 'perjury' from the perspective of the witness". *Revista de Stiinte Politice* 71: 111–120.
- Chin, Gabriel J., Scott C. Wells. 1997. "The blue wall of silence as evidence of bias and motive to lie: A new approach to police perjury". *University of Pittsburgh Law Review* 59: 233–299.
- Crank, Stephanie D., Drew A. Curtis. 2023. "And nothing but the truth: An exploration of perjury". *Journal of Police and Criminal Psychology* 38 (1): 83–92.
- Doyle, Charles. 2018. *False statements and perjury: An overview of Federal Criminal Law*. Accessed July 30, 2022. <https://sgp.fas.org/crs/misc/98-808.pdf>.
- Dubinin, Lev. G. 2012. "Motives for deliberately false testimony of witnesses and victims". *Rossiiskii sledovatel'* 16: 28–32. (In Russian)
- Dunkle, Samuel. 2021. "'The air was blue with perjury': Police lies and the case for abolition". *New York University Law Review* 96 (2): 2048–2093.
- Ekman, Paul. 1985. "Telling lies: Clues to deceit in the marketplace, politics, and marriage". New York, W. W. Norton & Company.
- Garipov, Timur I. 2015. "On criminal liability of witnesses and victims for knowingly false testimony". *Zakon i pravo* 4: 92–93. (In Russian)
- Gel'dibaev, Movlad Kh. 2020. "Criminal legal characteristics of crimes against justice". *Ugolovnaia politika i pravoprimeritel'naia praktika: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 158–163. St. Petersburg, Asterion Publ. (In Russian)
- Gorunescu, Mirela. 2019. "Issues of controversial practice referring to the crime of false testimony". *Lex ET Scientia International Journal* 26: 116–123.
- Heywood, Rob. 2014. "Hillsborough: Legal culpability in the aftermath of the findings of the Independent Panel". *Northern Ireland Legal Quarterly* 65 (1): 101–119.
- Iancu, Elena-Ana. 2020. "Theoretical and practical aspects regarding the investigation of the criminal offence of false testimony". *Athens Journal of Law* 6 (4): 323–338.
- Kosiakova, Natal'ia S. 2001. "Perjury". *Gosudarstvo i pravo* 4: 67–68. (In Russian)
- Kudriavtsev, Dmitrii S. 2019. "Overcoming resistance to the detection and investigation of crimes in the Republic of Belarus". PhD Thesis in Law, Moskovskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii imeni V. Ia. Kikotia. (In Russian)

- Kuleva, Liudmila O. 2019. "Taking into account the category of crimes when constructing elements of crimes and sanctions for their commission in the Criminal Code of The Russian Federation". *Vestnik Iaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* 3: 72–75. (In Russian)
- Leont'ev, Dmitrii A. 2016. "The concept of motive in A. N. Leontiev and the problem of the quality of motivation". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya* 2: 3–18. (In Russian)
- Likholetov, Aleksandr A., Anna A. Pobednova. 2021. "Problems of applying the rule on criminal liability for knowingly false testimony, expert or specialist conclusions, or incorrect translation". *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii* 3 (58): 79–85. (In Russian)
- Misnik, Irina V., Aleksei V. Daneev. 2019. "False testimony of a witness: Motives and tactics of incrimination". *Kriminalistika: vchera, segodnia, zavtra* 3 (11): 66–70. (In Russian)
- Morkhat, Petr M. 2019. *Artificial intelligence: Reference judicial practice*. Moscow, Iuniti-Dana Publ. (In Russian)
- Muzychenko, Pavel B., Aleksandr D. Tregub. 2020. "Problems arising in the area of giving deliberately false testimony, the conclusion of an expert, specialist or incorrect translation". *Sovremennye problemy ugolovnogo prava i protsessa: sbornik nauchnykh trudov 60-i studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 121–123. Khabarovsk, Tikhookeanskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)
- Neuschatz, Jeffrey S., Danielle K. DeLoach, Megan A. Hillgartne, Melanie B. Fessinger, Stacy A. Wetmore, Amy B. Douglass, Brian H. Bornstein, Alexis M. Le Grand. 2021. "The truth about snitches: An archival analysis of informant testimony". *Psychiatry, Psychology and Law* 28 (4): 508–530.
- Pikin, Ivan V., Mikhail I. Kliuchnikov, Ekaterina S. Barekhova. 2020. "Deliberately false denunciation and deliberately false testimony, opinion of an expert, specialist or incorrect translation: Current problems and ways to solve them". *Pravo i praktika* 4: 145–149. (In Russian)
- Riabchikov, Sergei. A. 2021. "Perjury: Controversial issues of prosecution and release from criminal liability". *Vestnik Ufimskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii* 2 (92): 84–88. (In Russian)
- Saint Sernin, Jean, Baptiste Javary. 2017. "Lexigence de sincérité du témoignage devant la commission d'enquête parlementaire: l'affaire Aubier". *Constitutions: revue de droit constitutionnel appliqué*. Accessed July 29, 2022. <https://archivesic.ccsd.cnrs.fr/UNIV-PARIS10/hal-03226873v1>.
- Schmidt, Sibylle. 2017. "Perpetrators' knowledge: What and how can we learn from perpetrator testimony?" *Journal of Perpetrator Research* 1 (1): 85–104.
- Skoczeń, Izabela. 2022. "Modelling perjury: Between trust and blame". *International Journal for the Semiotics of Law-Revue internationale de Sémiotique juridique* 35 (2): 771–805.
- Tarasova, Iuliia V. 2006. "Special subject of the crime and its significance in criminal law". PhD Thesis in Law, Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut MVD Rossii. (In Russian)
- Tikhonova, Svetlana S. 2008. *Legal technology in criminal law: Course of lectures*. Nizhny Novgorod, Dekom Publ. (In Russian)
- Tonry, Michael. 2017. "Making American sentencing just, humane, and effective". *Crime and Justice* 46 (1): 441–504.
- Tsepelev, Konstantin V. 2018. "Knowingly false report and perjury, professional conclusion or incorrect translation: Criminal parameters and problems of qualification". PhD Thesis in Law, Universitet prokuratury Rossiiskoi Federatsii. (In Russian)
- Zahoor, Rashida, Muhammad F. Anwar, Muhammad A. Safdar, Jibran Jamshed. 2020. "A comparative study of perjury in legal system of Pakistan and Islamic law". *Journal of Business and Social Review in Emerging Economies* 6 (4): 1571–1579.
- Zatona, Roman E. 2018. "On the responsibility of an expert and specialist as an intersectoral problem in Russian legislation". *Ugolovnoe pravo v evoliutsioniruiushchem obshchestve: problemy i perspektivy: sbornik nauchnykh statei*, 227–231. Kursk, Iugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)

Received: August 3, 2022

Accepted: November 3, 2023

Authors' information:

Vladimir E. Krukovsky — PhD in Law, Associate Professor; Krukovsky@vyatsu.ru
 Ilya N. Mosechkin — PhD in Law, Associate Professor; weretowelie@gmail.com